

УДК 340.5(519+51)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КНДР: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

© Баранова Е. С., 2017

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассматриваются проблемы развития правовой системы Северной Кореи через конкретно-историческое преломление. Поднимается вопрос об определении места правовой системы страны в классификации правовых семей современности. Характеризуются уникальные элементы северокорейского права.

Ключевые слова: правовая система; трансформация правовых систем; традиционная правовая семья; дальневосточная группа правовых систем; чучхе.

Анализ правовых вопросов, связанных с Северной Кореей, хоть и является достаточно популярным направлением современных исследований, особенно среди ученых из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, но все же не может быть полным и однозначно достоверным и верифицированным. Основной причиной этого является закрытость самой страны. Исследователи ограничены в доступе в государство, не говоря уж о возможности изучения его правовой сферы. Не имея возможности практического изучения официальных первоисточников, актов применения права, актов толкования или реализации права, мы, тем не менее, в качестве опоры для своих исследований можем использовать труды других ученых, преимущественно зарубежных, и те северокорейские правовые документы, которые все же доступны для общего просмотра. Несмотря на такую закрытость информации о правовой системе КНДР, ее изучение представляется необходимым и актуальным для современной науки теории государства и права, поскольку КНДР называется в числе последних представителей правовой семьи социалистического права, а значит, право КНДР является уникальным предметом теоретического и компаративистского изучения.

Самобытность Северной Кореи проявляется, в том числе, и в особенностях построения, развития и действия элементов ее правовой системы. В силу этого обстоятельства достаточно сложно однозначно определить принадлежность правовой системы страны к той или иной правовой

семье. Так, беря за основу классификацию правовых систем, предложенную Р. Давидом и считающуюся классической, можно отнести северокорейскую правовую систему по своей технологии к романо-германской правовой семье, по идеологии — к социалистической, а в плане правореализационных элементов и правосознания — к традиционной, или философской (дальневосточной группе правовых систем). Попробуем проследить эволюцию северокорейской правовой системы через призму развития в ней элементов, относимых к той или иной правовой семье.

Вплоть до конца XIX столетия в стране был период, который условно можно обозначить как «дояпонский». Это время, когда Корея, тогда называвшаяся Чосон, ориентировалась на цинский Китай, данником которого она стала еще в XVII в. Внутренняя политика Чосона определялась конфуцианской бюрократией, и, несмотря на попытки адаптировать западные достижения, Корея оставалась закрытой от внешних веяний страной.

В правовой сфере в то время основными документами являлись «Чосон Кёнгукчон» («Административный кодекс государства Чосон»), принятый еще в конце 90-х гг. XIV в., и «Кёнгук тэчжон» («Кодекс управления страной») — крупнейший законодательный документ второй половины XV в. [1].

«Чосон Кёнгукчон» был в первую очередь направлен на упорядочение работы многочисленных центральных правительственных учреждений. Данный кодекс оставался одним из базовых документов страны на протяжении почти 500-летней истории

независимого правления династии Чосон. Его появление обозначило стремление подданных контролировать власть монарха.

В свою очередь «Кёнгук тэчжон», с одной стороны, воплощал принцип сильной власти главы государства, но, с другой стороны, подтверждал некоторые тенденции, проявившиеся в «Чосон Кёнгукчон».

Например, согласно этому Кодексу, все законы издавались по личной инициативе корейского вана (т. е. правителя), однако вместе с тем должны были пройти процедуру обсуждения, а затем утверждения в правительстве.

Интересно, что ни в одном из двух указанных сводов не было уделено достаточно внимания нормам уголовного права. Впрочем, в создании отдельного уголовного кодекса просто не было смысла, поскольку в основе права Кореи при династии Чосон, помимо «Кёнгук тэчжон», лежал еще один кодекс. Им было уголовное законодательство китайской династии Мин, закрепленное в сборнике «Да Мин люй», который использовался в Корее и после падения этой династии, вплоть до 1894 г. Использование китайского законодательства неудивительно. Как уже было отмечено выше, влияние Китая на все сферы жизни Кореи было огромным, что отразилось и на законодательстве корейского государства.

Следует отметить, что в работах ученых, посвященных истории права Кореи, не указано ни одного отдельного документа, рассматривавшего вопросы в сфере частного права (встречаются лишь упоминания о некоторых налоговых реформах), вследствие чего, на наш взгляд, можно предположить, что данная сфера регулировалась также китайским законодательством. Между тем мы должны констатировать факт, что этот подход является наиболее обоснованным, хотя и безусловным.

Таким образом, говоря о «дояпонском» периоде в правовой истории Кореи, необходимо отметить, что правовые источники Кореи либо были заимствованы из Китая, либо во многом опирались на принципы конфуцианства. Собственные правовые акты принимались весьма редко, кодификации законодательства практически не было, что как раз и соответствует духу и принципам китайского права. Вследствие этого можно констатировать факт значительного развития норм уголовного права (важным

концептом здесь было понятие наказания, как и в Китае), притом что гражданское и конституционное право в современном для нас понимании фактически не получило развития.

На наш взгляд, именно в этот период в правовой системе страны, тогда еще только формирующейся, и произошло заимствование элементов, характерных для философии конфуцианства и соответствующего ему понимания права. Среди них можно отметить, например, приоритет этических норм над юридическими, коллективизм, семейственность, патернализм. Впрочем, конфуцианские по своей сути, эти элементы были подстроены под корейское общество. Они стали своеобразным парафразом китайского опыта и переносом его на корейскую почву. По нашему мнению, это объясняется тем, что Корея, будучи «зажатой» между двумя сильными соседями в лице Китая и Японии, стремилась развивать самоидентичность, что затронуло и правовую сферу жизни. Примечательно, что перечисленные составляющие можно найти и в современной правовой системе Северной Кореи, правда, не без специфического «оттенка»: так, коллективизм официально закрепляется в конституции страны и проявляется, например, в наличии так называемых кооперативных ферм, а патернализм превратился в «обессмерчивание» статуса Ким Ир Сена.

Все это время, т. е. примерно до середины XIX в., династия Чосон проводила политику изоляции от внешнего мира, но впоследствии под давлением, во многом военным, западных стран и Японии вынуждена была от нее отказаться. Результатом этого стало заключение неравноправных договоров, а затем и многочисленные восстания второй половины XIX в. С этого момента прояпонское влияние в правовой сфере стало ощущаться особенно отчетливо.

Во-первых, предпринимались неоднократные попытки провести в стране реформы по аналогии с реформами Реставрации Мэйдзи, т. е. осуществить рецепцию зарубежных норм права из стран романо-германской правовой семьи. В это время правительство Кореи возглавили реформаторы-западники, вдохновленные успехом изменений в Японии после Реставрации. Однако предлагаемые ими преобразования, целью которых было приобщение к реформам представителей нарождающегося капи-

тализма, торговли и предпринимательства, встретило сильное противодействие со стороны феодально-консервативной группировки, стремившейся продолжить управление страной в духе конфуцианства.

Во-вторых, сначала косвенно, а после японской оккупации и напрямую стал активно развиваться полицейский и судебный аппарат — естественно, тоже по японскому шаблону. Так, после аннексии Корея была превращена в генерал-губернаторство Японской империи. Японскому генерал-губернатору передавалась законодательная и исполнительная власть, ему подчинялись оккупационные войска и военно-морские силы. В его ведении находились жандармерия, полиция, суд и тюрьмы. Генерал-губернатор назначался из среды военных и подчинялся непосредственно японскому императору. В стране был установлен жестко авторитарный военно-полицейский режим. Судебные функции выполняли в основном полицейские учреждения. Были приняты законы, направленные против «террористической» деятельности, т. е. против корейского национально-освободительного движения.

На наш взгляд, такое внимание к надзорному аппарату со стороны японской администрации объясняется тем, что Корейский полуостров стал для Японии одновременно сырьевой базой и основным стратегическим тылом, а следовательно, Японии необходимо было удерживать страну под своей властью любыми методами, в том числе и репрессивными.

Впрочем, проникновение японских правовых элементов в корейскую правовую систему не было повсеместным. Так, например, неудачу потерпели реформы Высшего военного совета, созданного японскими властями. Преобразования имели буржуазно-либеральный характер и затрагивали различные сферы, однако так и не были претворены в жизнь. По верному замечанию А. В. Торкунова, «конструктивные в своей основе реформы... не получили широкого и позитивного отклика в корейском обществе конца XIX в. в силу его незрелости и неготовности к проведению подобных буржуазных преобразований, а также в силу того немаловажного политического фактора, что за ними неизменно маячила зловещая фигура японского колониалиста» [2].

Таким образом, можно отметить, что трансформация правовой системы Кореи

путем рецепции и некоторой вестернизации права началась лишь в конце XIX в. и происходила, на наш взгляд, насильственным путем с непосредственным вмешательством Японии. Этот процесс продолжался в течение всего периода японской оккупации полуострова вплоть до окончания Второй мировой войны. Вместе с тем, хотя японские правовые традиции доминировали в правовой системе Кореи в течение упомянутого периода (преимущественно в виде законов, полицейского надзора и в лице японских или обученных в Японии юристов), японское право не было перенято полностью. Япония, возможно, добилась успеха в осуществлении повсеместного контроля за населением Кореи посредством права и полицейской власти. Но многое в корейской правовой системе по-прежнему находилось в зоне, недоступной для влияния японских указов, особенно в тех аспектах, которые выходили за пределы поддержания публичного порядка [3]. Корейское обычное право в этот период сохраняло роль основного регулятора общественных отношений лишь в сфере семейного и наследственного права, в некоторых иных традиционных отраслях права.

Заимствование элементов японской правовой системы неизбежно привело к тому, что корейская правовая система, а впоследствии и конкретно северокорейская, приобрела отдельные черты романо-германской правовой семьи. Как отмечает А. В. Юрковский, «с точки зрения оценки источников права, изначально Корейская Народно-Демократическая Республика должна быть определена в состав романо-германской семьи правовых систем. Данная правовая система отличается нормативной упорядоченностью и структурированностью источников» [4]. С этим тезисом следует согласиться. В силу своей структурированности, формы, а также ввиду того, что основным источником в праве КНДР считается нормативный правовой акт, северокорейскую правовую систему можно отчасти отнести и к романо-германской правовой семье.

Несмотря на то что после обретения страной независимости колониальные правовые акты были заменены на местные корейские, значительное влияние иностранного права на дальнейшее развитие правовой системы КНДР сохранилось. В первые годы становления независимой республики не существовало наработанной правовой

базы, на которую можно было бы опираться, руководство страны было вынуждено хотя бы на время вернуть некоторые бывшие японские законодательные акты. Вместе с тем после провозглашения республики северокорейской администрацией был взят курс на подражание советской системе, в том числе и в правовой сфере. Это совмещение советской «опеки» и японских образцов законов, которые брались за основу, привело к тому, что первые правовые кодексы в конечном итоге становились «модифицированными японскими сводами законов в стиле советской судебной системы с элементами, отражающими националистическую и народоориентированную политику крепнущего северокорейского руководства во главе с Ким Ир Сенем» [5]. По социалистическому образцу закреплялись и основы современного уголовного и уголовно-процессуального права КНДР, отображенные в соответствующих кодексах.

Но, безусловно, основным параметром, позволяющим отнести правовую систему Северной Кореи к числу социалистических правовых систем, является идеологический фактор. Так, почти каждое положение главы первой Конституции КНДР 1972 г., посвященной основам политического строя, выдержано в социалистическом духе. Некоторые понятия («империалистические агрессоры», «товарищески спаянный коллектив», «диктатура народной демократии» и мн. др.) представляются довольно архаичными, однако, бесспорно, идеологически выдержанными. В этой же тональности составлены и другие главы Конституции. Например, прямо прописано положение о том, что государство определяет и социальный образ жизни, который должен строиться в соответствии с социалистическими принципами [6]. Также северокорейское право несет в себе и некоторые другие черты социалистической правовой семьи: государственный контроль над многими сферами общественной и экономической жизни, широкое законодательное закрепление большого числа социальных гарантий, упрощенный порядок судопроизводства, приоритет публичного права над частным и т. д.

Анализ особенностей эволюции правовой системы Северной Кореи показывает, что ее место в классификации правовых семей является промежуточным. Отдельные черты права Северной Кореи позволяют

констатировать факт ее близости к традиционной (дальневосточной), романо-германской и социалистической правовым семьям. Впрочем, подобная характеристика не принимает в расчет уникальные правовые черты и реалии, которые присущи исключительно Северной Корее и, в конечном счете, являются системообразующими для права этой страны.

Во-первых, одним из таких элементов является идеология чучхе – мировоззрение, в центр которого, согласно ст. 3 Конституции КНДР, ставится человек, а также революционные идеи, «нацеленные на осуществление самостоятельности народных масс» [7]. Это центральный концепт не только для правовой сферы, но и вообще для функционирования всего северокорейского общества. Довольно сложно подобрать слово в русском языке, которое могло бы достаточно точно передать смысл термина «чучхе», однако наиболее близкими аналогами, на наш взгляд, здесь служат понятия «самодостаточность», «самостоятельность». Идеология чучхе отражается в правовой сфере, по нашему мнению, в виде политического курса на создание собственной, построенной в соответствии с реалиями государства правовой системы. Если в первые годы возникновения республики северокорейская администрация не скрывала факта заимствования элементов советской правовой системы, а даже поощряла его, то после 1950-х гг. и процесса десталинизации в Советском Союзе (которую Ким Ир Сен не поддерживал) Северная Корея пытается показать, что идет своим, самостоятельным путем.

В правовой сфере эта самостоятельность отражена, в том числе, и в Конституции КНДР. Понятия, абсолютно неизвестные праву любого другого государства, здесь закреплены официально, на государственном уровне. Помимо уже упомянутой идеологии чучхе, можно отметить, например, политику сонгун, основной тезис которой – «армия на первом месте». Это в очередной раз характеризует Северную Корею как государство с ярко выраженными недемократическими принципами осуществления власти и права, приоритет в котором во всех государственных делах отдается Корейской народной армии. Также в Конституции упоминаются «дух Чонгсарни» [8] и так называемый рабочий метод «таеан» [9], являющиеся, по сути,

воплощением конфуцианского принципа коллективизма.

Безусловно, представленные термины уникальны в своем роде — как по смысловому содержанию, так и по правовому воплощению. Однако, на наш взгляд, подобное стремление отстраниться от заимствований чужеродных правовых элементов иллюзорно, поскольку в основе попыток создать какие-либо новые концепты, заточенные конкретно под северокорейское общество, лежат понятия, знакомые корейскому праву еще с дояпонских времен.

Еще одним элементом традиционного права, который был успешно реализован в условиях развития новой северокорейской правовой системы, стал патернализм (некоторые зарубежные ученые вместо данного слова употребляют термин «патрилинейность» [10]). Проявление патрилинейности в правовой системе Северной Кореи можно отследить еще на одном примере. После смерти Ким Ир Сена его сын и преемник, Ким Чен Ир, принял власть лишь спустя три месяца. Это не только стало данью уважения покойному лидеру, но и имело древние традиционные корни: так, в уже упомянутом «Кёнгук тэжон» говорится, что три месяца — достаточный срок для траура [11].

Подобных традиционных элементов в современной правовой системе Северной Кореи много. При этом, как было сказано ранее, они проявляются не только в сфере правосознания или правовой культуры, но и зачастую бывают закреплены на формально-юридическом уровне. Тот факт, что большая часть правовых понятий имеет под собой конфуцианскую базу, позволяет в рамках проведенного анализа констатировать циркулярный характер эволюции правовой системы Северной Кореи по линии «традиционная правовая семья — романо-германская правовая семья — социалистическая правовая семья». Основой такой эволюции является сохранение влияния традиционно-конфуцианских норм и принципов, что демонстрирует необходимость характеристики северокорейской правовой системы с позиций дальневосточного (традиционного) права.

Представленный анализ, при этом, позволяет прийти к выводу о причине невозможности однозначного определения места правовой системы Северной Кореи в классификации правовых семей современности. Такой причиной является сохранение влия-

ния базовых факторов развития права, возникших на отдельных этапах генезиса северокорейской правовой системы, в следующих периодах, что порождает смешанный, диффузный характер северокорейского права.

Подводя итог сказанному ранее, можно прийти к выводу о том, что попытки построить уникальную правовую систему проистекают, в первую очередь, от специфического положения самой страны. Пусть и относимая к социалистическим государствам, наряду, например, с КНР или Вьетнамом, КНДР все же отличается от них и в экономическом, и в политическом, и в общесоциальном смысле, оставаясь, по существу, единственной тоталитарной страной в мире, следующей принципам, когда-то провозглашенным Ким Ир Сеном. Осознание собственной уникальности обязывает к созданию специфической правовой системы, способной обеспечивать проводимую партией политику. Тем не менее, несмотря на все попытки, предпринятые северокорейским руководством в этом направлении, невозможно отрицать тот факт, что полного отрешения от «чужих» для Северной Кореи правовых элементов не произошло и произойти не могло: Северная Корея — страна с богатой историей и огромным правовым опытом, поэтому и современное право не может не опираться на прежние законодательные наработки, не говоря уже о таких важных составляющих любой правовой системы, как правовая культура и правосознание, воспитанные поколениями.

Таким образом, современная правовая система Северной Кореи продолжает включать в себя элементы и романо-германского права, и социалистического, и, безусловно, традиционного дальневосточного. В отношении же последнего стоит отметить, что как бы руководство КНДР ни старалось замаскировать элементы дальневосточного права новыми политическими и идеологическими терминами, северокорейское право все еще имеет под собой конфуцианские основы. □

1. История Кореи (новое прочтение) / под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 236.

2. Там же. С. 239.

3. Goedde P. Law "Of Our Own Style": The Evolution and Challenges of the North Korean Legal System // Fordham International Law Journal. 2003. Vol. 27. P. 1269.

4. Юрковский А. В. Особенности правовых систем Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики // Сиб. юрид. вестн. 2008. № 2. С. 69.

5. Charles K. Armstrong. The North Korean Revolution 1945–1950. Cornell University Press, 2003. P. 197.

6. Конституция КНДР [Электронный ресурс]. URL: [url:http://asiamatters.blogspot.ru/2009/10/north-korean-constitution-april-2009.html](http://asiamatters.blogspot.ru/2009/10/north-korean-constitution-april-2009.html). Ст. 42.

7. Там же. Ст. 3.

8. Там же. Ст. 13.

9. Там же. Ст. 33.

10. Goedde P. Op. cit. P. 1274.

11. Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конституция КНДР [Электронный ресурс]. — URL: [url:http://asiamatters.blogspot.ru/2009/10/north-korean-constitution-april-2009.html](http://asiamatters.blogspot.ru/2009/10/north-korean-constitution-april-2009.html) (дата обращения: 12.03.2017 г.)

История Кореи (новое прочтение) / под ред. А. В. Торкунова. — М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет) ; РОССПЭН, 2003. — 430 с.

Юрковский А. В. Особенности правовых систем Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики // Сиб. юрид. вестн. — 2008. — № 2. — С. 68–73.

Charles K. Armstrong. The North Korean Revolution 1945–1950 / K. Charles. — Cornell University Press, 2003. — 197 p.

Goedde P. Law “Of Our Own Style”: The Evolution and Challenges of the North Korean Legal System // Fordham International Law Journal. — 2003. — Vol. 27. — P. 1265–1288.

The Peculiarities of the DPRK Legal System's Formation: the Factors of Evolution and Main Stages

© **Baranova E., 2017**

The article deals with the problems of North Korean legal system's evolution through the concrete-historical refraction. The author raises a question about identification of the place of national legal system in the classification of the contemporary legal families. The components which are unique to the North Korean law are characterized.

Key words: legal system; transformation of legal systems; the traditional legal family; legal systems of the Far East Law; *juche*.